

Лирик русского театра

346
Чехов А.П.

Это было уже в разгар литературной славы Чехова, в то время, когда произведения писателя зачитывались и восхищались самые разнообразные слои читателей. На сцене императорского Александринского театра в Петербурге была поставлена одна из тончайших драматургических пьес «Чайка».

Зрительный зал был полон. Самолюбивые владельцы модных магазинов, пышные банкирские жены, напомаженные приказчики Гостинного двора, бойкие рецензенты, знавшие Чехова по его драматургическим шуткам, пришли посмеяться. И вдруг — лирические монологи Дорна, страстная тоска Нины Заречной, философские реплики Треплева. На следующий день после премьеры Чехов писал:

«Пьеса шлепнулась и провалилась с треском. В театре было тяжелое напряжение недоумения и позора. Актеры играли гнусно, глупо. Отсюда мораль: не следует писать пьес».

Пьесу не поняли ни зрители, ни актеры казенного театра. Творческий взлет Комиссаржевской, в репертуар которой роль Нины вошла, как одно из лучших творений артистки, остался единственным и прозвучал непонятным диссонансом в спектакле, где все остальные играли сухо, привычно, так, как всегда.

А нельзя было, ни в коем случае нельзя было играть «как всегда» пьесу, один из персонажей которой, мечта о новом театре, говорит: «нужны новые формы, новые формы нужны, и если их нет, то ничего не нужно». А этих новых форм не мог обрести театр Крыловых, Штаняевских и других приносящих драматургов, монополично властвовавших на рутинной сцене Александринского театра.

Много времени спустя «Чайку», а за ней и всю чеховскую драматургию «реабилитировал» молодой художественный театр. Трудно представить себе в истории русского театра другое столь полное слияние гениальных мастеров драматургии и сцены, как слияние драматургии Чехова и творческой целеустремленности руководителей Художественного театра. Если чеховские пьесы опередили во многом стиль, методологию, индивидуальность «художественников», то не в меньшей степени Художественный театр помог утверждению драматургических принципов Чехова.

История Художественного театра — этого совершеннейшего из мировых театральных организмов — непосредственно и тесно переплетается с именем Антона Павловича.

Еще до рождения МХАТа Чехов в письмах, в заметках, в своих произведениях высказывал ряд новых мыслей о театре. Знание жизни, чуткость подлинного художника, чистота сердца и широкий кругозор — вот те качества, которые великий писатель считал обязательными для человека, идущего на сцену. Именно он — этот мягкий человек с тонкой душой грозно предостерегал те-

от застоя, от коммерческих расчетов, от безыдежности и рутинности.

«Надо всеми силами стараться, чтобы сцена из бакалейных рук перешла в литературные руки, иначе театр пропадет». Эти его мысли, вместе с мечтами о создании народного театра с широкой аудиторией целиком совпали с теми идеями, с той эстетикой, которые легли в основу нового театра, создаваемого К. Станиславским и В. Немировичем-Данченко.

Художественный театр впервые сумел прочесть по-настоящему пьесы Чехова, понять и почувствовать их прозрачный колорит, тончайшую игру психологических нюансов, глубокую правду, грустный юмор, окрашенный особым, одному Чехову свойственным, лиризмом. Но, открыв эти качества, театр именно из них построил и проверил лучшие свои художественные принципы. Недаром Чехов после постановки «Дяди Вани» сказал: «Я благодарю не бо, что, плывя по житейскому морю, я, наконец, попал на такой чудесный остров, как Художественный театр». Как далеко это утверждение от пессимистического восклицания, вырвавшегося после провала «Чайки» в Александринском театре.

Попав на «чудесный остров», Чехов вернулся к драматургии, новатором которой он выступил. Следом за «Чайкой» и «Дядей Ваней», Чехов передает Художественному театру «Три сестры» и свою последнюю пьесу, благоухающую свежестью, изумительной тонкостью чувств, и особой чеховской мудростью — «Вишневый сад».

Глубокую прогрессивность и идейность чеховской драматургии прекрасно выразил Горький в письме к Чехову: «Говорят, что «Дядя Ваня» и «Чайка» — новый род драматургического искусства, в котором реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа. Я нахожу, что это очень верно говорят. Слушая Вашу пьесу, думал я о жизни, принесенной в жертву идолу, о вторичности красоты в нищенскую жизнь людей, и о многом другом, коренном и важном. Другие драмы не отвлекают человека от реальностей до философских обобщений — Ваши делают это».

Давно умер Чехов. В стране победившего социализма воплотились его мечты о русском театре и новом зрителе, оправдались предсказания, осуществились МХАТ у лучшую из страниц истории мирового театра, драматургическая поэзия Чехова осталась для нас такой же ароматной и чистой, какой воспринимали ее лучшие из современников Чехова. И поэзия этого лучшего лирика русской сцены особенно значительна и любима нами за те искренние ноты протеста, любви к человеку и веры в радостное будущее, какие слышались во всей его драматургии.

Р. БЕНЬЯШ.